

Место сердца безумно для двух людей, разум сожжён дотла огнём желания, остались только инстинкт и вожделение.

Чжоу Цзихэн не помнил, сколько раз он делал это. Был почти рассвет, когда Ся Сицин, наконец, полностью опустошился и потерял сознание.

Чжоу Цзихэн обнял его так крепко, казалось что в следующую секунду этот человек исчезнет у него на глазах.

Оказалось, что он уже любил его так сильно, что был полон чувства вины.

Люби до такой степени, что теряешь себя.

Он спал чрезвычайно беспокойно. Хотя он был занят работой до прихода в группу в эти дни, он спал всего три или четыре часа в день. Вчера он ворочался всю ночь, но Чжоу Цзихэн не мог погрузиться в глубокий сон.

Это как плот, плывущий по морю, трясущийся и раскачивающийся, не способный причалить.

Лицо Ся Сицина было как во сне, провокационное, хитрое, хрупкое, эмоциональное, и каждое выражение было таким чётким и размытым.

В конце концов все они исчезли.

Оказалось, что плот плыл не к океану, а к водопадному утесу. Стремительная вода лишила его возможности дышать. Он мог только смотреть, как падает в пропасть в потоке, и ледяная лужа воды покрыла его тело.

Чжоу Цзихэн открыл глаза и медленно протянул руку, чтобы коснуться уголков своих глаз.

Это прохладно, как лужа воды во сне.

Ся Сицин лёг рядом с ним, склонившись набок лицом к нему в глубоком сне.

Чжоу Цзихэн протянул руку, откинул волосы, рассыпавшиеся по его щекам, и мягко коснулся его щеки сбоку. И его сердце постепенно вернулось к своей нормальной частоте.

Чжоу Цзихэн смотрел на его лицо сбоку так спокойно, не прикасаясь к нему и не говоря ни слова, его взгляд медленно перемещался. Его тонкие косточки бровей, высокая переносица, тяжелые линии век, которые видны, даже когда он закрывает глаза, и маленькая родинка на кончике носа. Родинка.

Он мельком увидел синяк на челюсти Ся Сицина и был потрясён. Это был след, оставленный тем, кто ущипнул его вчера.

Чжоу Цзихэн не смог удержаться и медленно развернул одеяло. Его белое тело было покрыто следами последствий Хуанай. Его сторона шеи, ключицы, грудь и даже спина были усеяны следами засосов, оставленных им самим.

На талии Ся Сицина всё ещё есть несколько небольших синяков, которые являются следами, оставленными тем, что он ущипнул его за талию прошлой ночью.

Потеря контроля на всю ночь заставила их обоих отказаться от своего здравомыслия и табу. Чжоу Цзихэн вспоминал сцену того времени. В конце концов, он почти потерял свой вес и был полностью во власти желания.

Потянувшись к Ся Сицину, чтобы поднять одеяло и укрыть его, чувство вины было готово поглотить его.

Он не должен был этого делать, это неправильно.

Но когда он вспомнил, что сказал Ся Сицин, и попытался связаться с людьми, которых он даже не знал по именам, чтобы сделать это от его имени, у него защемило сердце.

Он тоже не хотел злиться и пытался держать себя в руках.

Но как только он встретил Ся Сицина, он сошёл с ума.

В тот момент, когда они оба были на грани потери сил, он действительно надеялся, что мир будет уничтожен в этот момент, по крайней мере, для того, чтобы Ся Сицин не ушёл, и в конце концов он умер бы вместе с ним.

Это ужасно.

Неуверенно протянул руку, взяв пальцы Ся Сицина кончиками пальцев, и тыльной стороной большого пальца нежно потёр его тонкую руку.

После того, как он проснётся, он должен быть зол. Какой он гордый человек.

Может быть, на этом дело между ними и закончится.

[Чжоу Цзихэн, у нас есть отношения?]

[Разве мы не просто играли в самом начале.]

[Теперь с меня хватит тебя.]

Он не мог догадаться, в каком настроении Ся Сицин произносил эти слова, но он мог представить, как Ся Сицин отвергал тех, кто посвятил ему свои сердца в прошлом.

Они, должно быть, тоже слышали эти слова, может быть, их труднее услышать и они более понятны.

Чжоу Цзихэн протянул пальцы, нежно коснулся маленькой родинки на кончике носа Ся Сицина, медленно приблизился и запечатлел поцелуй на его лбу.

Почему он одержим таким жестоким человеком.

Ся Сицин не знал, как долго он спал. Когда он проснулся, у него ужасно болела голова, и его зрение было не таким ярким, как он себе представлял.

Сознание ещё не полностью вернулось в это тело, но его первая реакция – неуверенно протянуть руку.

Больше никого нет, только он сам.

Ся Сицин чувствовал себя нелепо. Он изо всех сил старался подразнить себя, который ожидал слишком многого. В чём было его заблуждение? Разве это не просто то, что он спал с Чжоу Цзихэном? Есть ли какая-то другая возможность, кроме физических отношений между ними?

Переодевшись в чистую пижаму, эта кровать и эта спальня оказались не такими хаотичными, как он себе представлял, но Ся Сицин почувствовал себя ещё печальнее. Должен ли он радоваться, что человеком, который трахал его прошлой ночью, был Чжоу Цзихэн? По крайней мере, его доброе сердце делает его достаточно нежным. Достаточно внимательным, чтобы не ставить его в слишком неловкое положение.

Его горло так мучила жажда, что он был готов загореться. Он попытался поддержать себя, но обнаружил, что всё его тело болит, а кости вот-вот развалятся.

Он посмотрел на себя сверху вниз, и синяки от засосов на его груди соединились в большую область.

Ся Сицин едва осмеливалась вспоминать абсурдные вещи, которые произошли той ночью, Чжоу Цзихэн, казалось, изменился.

Он продолжал повторять эту фразу.

[Ты единственный.]

Как это возможно, пока он хочет, у него может быть много-много людей.

Их так много, так много, что я не могу сосчитать.

Головная боль усилилась, и он захотел домой. Кровать была полна запаха Чжоу Цзихэна, от которого у него закружилась голова.

После того, как Ся Сицин попытался сесть от боли, ноги у него задрожали.

Я не могу в это поверить, Ся Сицин действительно позволил мужчине войти, и он умолял об этом.

Его самооценка была разбита вдребезги, и он не осмеливался вспомнить подробности той ночи. Это была просто пустая трата времени на то, чтобы давать и просить.

После долгого сидения Ся Сицин с помощью стены спуститься вниз только после того, как собрался с силами. Он с трудом преодолевал каждый шаг, и его ноги так сильно дрожали, что он не мог не ругать его в душе.

Чёрт возьми, Чжоу Цзихэн слишком свиреп, и 20-летний молодой человек действительно отчаянно хочет это сделать.

Он совершенно забыл, что на самом деле это он сам умер той ночью, и именно он продолжал доносить его.

Было сказано, что он этого не ожидал, но когда Ся Сицин спустился вниз, он всё ещё думал о том, что делать, если Чжоу Цзихэн был внизу, и что, если он сидел на диване. Он должен был приободриться и не быть похожим на маленькую девочку, которую изнасиловали. Будь жестким, просто думай об этом как о смене вкуса.

Но Чжоу Цзихэна внизу не было. Ся Сицин увидел только одежду, которую он носил, сложенной на диване, а также остывшее молоко.

Он большая звезда, и этот уровень уже является доброжелательным и праведным.

Только такой добрый старик, как Чжоу Цзихэн, может это сделать, так что будь доволен.

После простого мытья он выбросил туалетные принадлежности в мусорное ведро, вышел из ванной, прислонился к стене и сел на диван. На этот раз у него даже не было записки.

Ся Сицин тоже может понять. В конце концов, Чжоу Цзихэну раньше не нравились мужчины. Возможно, он попробовал это однажды и всё ещё не мог принять.

Он медленно переделся в свою одежду. Эта одежда, казалось, была выстирана, остался только аромат стирального порошка со вкусом грейпфрута.

В горле у него было так сухо и немо, что Ся Сицин повесил пижаму на подлокотник дивана, взял молоко и сделал глоток, затем встал и собрался идти домой.

Почему он так обижен в своём сердце?

Ся Сицин даже сам этого не осознавал. Если это было в прошлом, то первое, что он проснулся, должно было быть, чтобы убить эту смертоносную собаку, но теперь у него в голове был только Чжоу Цзихэн. Он хотел знать, куда тот делся, но не хотел думать о нём.

Боль в спине была такой сильной, что он вообще не мог наклониться, поэтому мог только сидеть на ступеньках у входа и переобуваться.

Глядя на пару подходящих хлопчатобумажных тапочек, Ся Сицин почувствовала себя ещё более неловко. Он просто хотел поскорее покинуть это место, полное следов жизни Чжоу Цзихэна. Он собирался выпить и хорошо провести время. Затем он пошел искать кого-то ещё... Чжоу внезапно снова возник в его сознании. Сердитое лицо Цзихэна.

Ся Сицин в страхе положил руку на дверную ручку, и дверь открылась снаружи, прежде чем он смог повернуть её.

Он был потрясён, разве человек, стоящий в дверях, не Чжоу Цзихэн?

Он был одет во всё чёрное: чёрную футболку, чёрные джинсы, чёрную бейсболку, чёрную маску и защитную маску с длинным чёрным рукавом на правой руке, как у него было, когда он играл в баскетбол.

Возможно, из-за тона его темперамент сегодня холодный, с сильной враждебностью.

Чжоу Цзихэн нёс две полные сумки с покупками, очевидно, он не ожидал столкнуться с ним как раз вовремя. Он увидел Ся Сицина, который был аккуратно одет, его глаза на секунду загорелись, а затем мгновенно потемнели.

Не снимая маски, Чжоу Цзихэн приглушённым голосом опустил голову и сказал:

— Давай поужинаем перед уходом. Это скоро будет готово.

Хотя он и сказал это, Чжоу Цзихэну было нелегко открыть дверь, поэтому он оставил её такой открытой. Если бы Ся Сицин захотел уйти, он бы не остановил его.

Увидев, что он просто самостоятельно заносит вещи, Ся Сицин на некоторое время был ошеломлён.

Так он ходил в супермаркет?

Это не стоит здесь, это не входит внутрь, кажется, ещё труднее пойти прямо домой.

Ся Сицин стоял в дверях и слышал, как Чжоу Цзихэн выясняет отношения. Он не знал, как выкинуть это из головы, поэтому сразу закрыл дверь.

С треском, сам Ся Сицин был застигнут врасплох, и сожалеть об этом было слишком поздно.

Он притворился совершенно невозмутимым и медленно вернулся в гостиную. Он уже собирался сесть, когда Чжоу Цзихэн внезапно подошёл с чем-то в руке.

— Что ты делаешь? - Всё в порядке, если он не будет говорить, Ся Сицин внезапно понял, что его горло было чертовски бесполезным, когда он говорил.

Чжоу Цзихэн обошёл его сзади и вытащил белую рубашку Ся Сицина, которая застряла в брюках костюма.

— Что ты делаешь...

Ему на талию наложили два пластыря, Ся Сицин повернул голову, чтобы посмотреть, и Чжоу Цзихэн снял свою одежду.

— Ты пил молоко. - Чжоу Цзихэн нахмурился. Он так долго отсутствовал, и молоко было холодным. Судя по ленивому характеру Ся Сицина, он, должно быть, выпил его таким холодным.

Ся Сицин был бы неправ, сожалея, что ему не следовало пить молоко, которое он оставил, поэтому он сухо сказал:

— Нет.

— Действительно. - Чжоу Цзихэн протянул пальцы и вытер кружочки следов молока на губах

Ся Сицина, после чего молча направился на кухню.

Ложь была разоблачена в одночасье, Ся Сицин вытянул тыльную сторону ладони и несколько раз вытер губы, его сердце забилось быстрее.

Я не знаю почему, я всегда чувствую, что с Чжоу Цзихэном что-то не так.

Патч сработал. Вокруг талии было жарко. Император Ся Сицин шёл на кухню. Его мобильный телефон внезапно затрясся. Когда он открыл WeChat, он увидел, что это был запрос в друзья, отправленный человеком. Аватаром был символ Кэ, написанный спичкой. По своему впечатлению, Ся Сицин не знал никого с иероглифом Кэ в имени.

За время его отсутствия на его мобильный телефон поступило несколько пропущенных звонков, в том числе от Ся Сюцзэ и Сюй Цичэня, но это были всего один или два звонка, и с неизвестного номера было сделано четыре или пять звонков.

Он проверил номер, а затем зашёл в WeChat, чтобы проверить запрос на добавление в друзья.

Конечно же, это был тот же самый номер.

Кто этот человек и почему он продолжает его искать.

Ся Сицин не стал слишком долго раздумывать, положил телефон обратно в карман, вошёл в кухню и сел за маленький обеденный стол. Его взгляд снова упал на букет бумажных роз.

Это не настоящие розы, без жизни они никогда не исчезнут и не увянут.

Всегда в его сердце, это очень красиво.

Внезапно он встал и сказал Чжоу Цзихэну на кухне:

— У меня сейчас нет аппетита, поэтому я ухожу.

Чжоу Цзихэн вышел и встал в дверях. Странно то, что на нём была маска, и его голос немного холоднее, чем только что.

— Ты был в коме два дня, и тебе нужно что-нибудь съесть.

Какое тебе до этого дело? Ся Сицин нахмурился, открыв рот, но ничего не сказал. Эти слова слишком неприятны, и было бы глупо говорить такие вещи, когда он бодрствует.

Чжоу Цзихэн выглядел так, словно не собирался его отпускать, так что Ся Сицин ничего не мог с собой поделаться.

Он откинулся на спинку обеденного стола и достал свой мобильный телефон, только чтобы обнаружить, что получил сообщение от Жуань Сяо.

[Жуань Сяо: Сицин, ты не спишь? Здесь что-то не так?]

[Жуань Сяо: С твоим телом всё в порядке, верно? Мы все очень беспокоимся о тебе.]

[Жуань Сяо: Ну, парень, который спас тебя со мной той ночью, он был другом Сяо Чжоу Цзихэна, он имеет к тебе какое-то отношение, ты можешь добавить его в WeChat.]

Это оказался тот, кто тайком пялился на него в тот день.

Ся Сицин добавил друга, и вскоре другая сторона отправила сообщение.

[Чжао Кэ: Ся Сицин, ты не спишь? Ты в порядке.]

[Ся Сицин: Я в порядке, спасибо тебе за твою помощь в тот день.]

[Чжао Кэ: Всё в порядке, где Хэнхэн? Вы видели его? Он связался с вами?]

Хэнхэн?

Это действительно близко.

До этого была молодая леди со своей первой любовью, а после этого у неё появился маленький друг-гей Чжума. Детство Чжоу Цзихэна было действительно насыщенным.

Ся Сицин неторопливо прошёл на кухню со своим мобильным телефоном в руке, прислонившись к дверному косяку, сфотографировал спину Чжоу Цзихэна и отправил ему снимок.

Вскоре после этого Чжао Кэ, который с нетерпением ждал новостей дома, получил фотографию от Ся Сицина.

[Ся Сицин: Твоя семья Хэнхэн готовит для меня ужин.]

Что это за атака собачьим кормом.

Чжао Кэ нахмурился:

— Я - дружественная армия! - Тем не менее, он отправил Жуань Сяо скриншот истории своего чата с Ся Сицином. У СР был сахар, и ему пришлось взять себя в руки.

Ся Сицин потерял дар речи. Поскольку он хотел найти Чжоу Цзихэна, почему он не нашёл его сам? Он должен был пройти через него. Очевидно, это были отношения под названием Хэнхэн.

Думая об этом, он внезапно почувствовал себя немного несчастным и вышел из интерфейса чата как раз вовремя, чтобы увидеть окно чата Чжоу Цзихэна ниже.

Он не смог удержаться и щёлкнул его по голове, которая представляла собой маленькую розу, сложенную из бумажных полотенец.

Недовольство было просто замкнутым кругом. Ся Сицин просто отключил WeChat, не беспокоя его.

Он откинулся на спинку обеденного стола, достал мягкую тёмно-синюю скатерть из-под набора столовых приборов и накрыл её букет бумажных роз.

Чжоу Цзихэн принёс пасту с зелёным соусом и с первого взгляда увидел покрытые цветами тарелки.

Он поставил перед ним порцию Ся Сицина, сам сел напротив и развернул салфетку с цветком.

У Ся Сицин чуть не случился припадок, поэтому он увидел, как Чжоу Цзихэн достал букет цветов и выбросил их в мусорное ведро рядом с обеденным столом, не сказав ни слова.

Он ошеломлённо посмотрел на Чжоу Цзихэна, он вообще не ожидал, что тот это сделает.

— Эй... что ты делаешь...

Чжоу Цзихэн вернулся на кухню и достал оставшийся салат и сок, прежде чем сесть.

— Если тебе это не нравится, выброси это.

Но разве тебе это не очень нравится?

Ся Сицин не смог до конца разгадать замысел Чжоу Цзихэна. Разве эти цветы не имели особого значения?

— Ты нашёл кого-то, кто сложит эти розы, верно? Есть ещё твоя голова. Если ты так беспокоишься, почему ты их выбросил? — Ся Сицин собирался встать и взять букет цветов, но Чжоу Цзыхэн остановил его.

— Это то, что я сложил один за другим сам. Но сейчас я не думаю, что это не имеет смысла.

Почему.

Ся Сицин не знал почему, поэтому смущённо откинулся на спинку стула.

Чего он не знал, так это того, что Чжоу Цзихэн помнил всё, что он сказал той ночью, включая фразу [Ты должен помнить, кто ты.]

Он мгновенно понял, что Ся Сицин ошибочно подумал, что он использует его в качестве дублёра для этой девушки.

Ему было неприятно говорить это, но он изменил своё мнение. Теперь в его сердце остался только Ся Сицин. Хотя у него не хватает смелости сказать это сейчас, он не может позволить Ся Сицину неправильно понять его.

— Давай поедим, ты, должно быть, очень голоден.

Ся Сицин наблюдал, как он опустил голову:

— Почему ты всё ещё в маске и кепке? Ты не паникуешь? — Чтобы разрядить эту неловкую атмосферу, Ся Сицин даже сначала пошутил сам с собой. — Ты ведь не чувствуешь себя смущённым, не так ли? Эй, независимо от того, трахнул меня ты или я тебя, я не смущён. Тебе здесь стыдно.

Чжоу Цзихэн снял маску и опустил голову.

— Или тебе меня жалко? — Тон Ся Сицина был немного нерешительным, извиняться не за что, хотя это всё время противоречит его ожиданиям, но в любом случае, он лично согласился с Чжоу Цзихэном сделать это.

Он несколько раз сухо рассмеялся и сделал непредубеждённый вид:

— Не заставляй меня выглядеть маленькой девочкой, которую ты накачал наркотиками. Хотя я был накачан наркотиками, это было то, чего ты не хотел, и ты хотел помочь мне. Какой бы подонком я ни был, я был разумным.

— Кроме того, все мы мужчины, и я не буду направлять на тебя пистолет, чтобы сделать тебя ответственным передо мной.

Он скатал вилкой шарик из макарон:

— Если тебе действительно меня жалко, просто позволь мне возвращаться с этого момента. В любом случае, разве между нами не такие отношения?

Это верно.

Изначально это были такого рода отношения.

Кажется, гораздо проще сказать это.

Это действительно было не в его стиле Ся Сицина - быть так подправленным кем-то в прошлый раз.

Чжоу Цзихэн наконец поднял голову, его глаза под полями кепки были очень сложными.

Казалось, он хотел что-то сказать, но в конце концов так ничего и не сказал.

Только тогда Ся Сицин понял, что уголок его рта был сломан, что, очевидно, было раной от жестокой драки с кем-то:

— Эй, что происходит у тебя на лице?

Чжоу Цзихэн не ответил. Он взглянул на часы, опустил голову и сказал ему:

— Сначала ты поешь, ешь больше.

Сказав это, он встал, отнёс полную покупок сумку на соседний стул, убрал её и стал вынимать изнутри одну вещь за другой.

— Это лекарство от синяков. Применяй его два раза в день. Эта мазь обладает противовоспалительным и противоотечным действием. Нанеси её ниже. Я уже использовал её на тебе. Ты можешь использовать её сам в течение последних двух дней.

— Наркотик, который дал тебе этот ублюдок, имеет побочные эффекты. Ты спал два дня. Ты ничего не ел в эти два дня. Твой фундамент, должно быть, очень слаб. Вот витамины и питательные вещества. Ты можешь забрать их обратно и съесть. Я знаю, ты можешь не прислушаться к тому, что я сказал, но я всё равно должен сказать: не ешь острую пищу в эти

два дня, не говоря уже о том, чтобы пить и курить. Я не уверен, что свойства наркотика полностью ослабли. Могут возникнуть побочные эффекты. Не относись к своему организму неправильно.

Он трещал и много говорил, с кучей инструкций на месте, как будто собирался уехать далеко.

Ся Сицин немного не понял ситуацию:

— Я проспал два дня... Я помню, что прошло ещё несколько дней, прежде чем я действительно вошёл в группу и начал. Ты сейчас куда-то идешь? - Его взгляд скользнул по руке Чжоу Цзихэна и обнаружил, что костяшки его пальцев тоже были повреждены. — И что, чёрт возьми, ты сделал?

— В этом нет ничего важного. - Чжоу Цзихэн поставил тыквенный суп перед Ся Сицином и резко сменил тему. — Кстати, я слышал, как директор Кун сказал, что ты решил присоединиться к группе. Если твоё нынешнее мышление не изменилось, мы встретимся в съёмочной группе.

— Увидимся в команде? - Ся Сицин нахмурился. — Куда ты собираешься на эти два дня?

— Я буду очень занят на работе эти два дня. Я летаю по округе. Думаю, я не смогу попасть домой. - Чжоу Цзихэн съел несколько глотков лапши без разбора, и Ся Сицин обнаружил, что его поза с вилкой в правой руке была явно неправильной.

— Неужели? Значит, ты не вернёшься через несколько дней?

Чжоу Цзихэн поднял на него глаза, думая, что он не верит в то, что он сказал, он достал из своего тела карточку-ключ и подтолкнул её:

— Если тебе что-нибудь понадобится, возьми это.

— Что мне может понадобится? Как будто у меня нет собственного дома. - Ся Сицин улыбнулся и опустил голову, чтобы съесть лапшу.

Чжоу Цзихэн что-то промычал и отнёс свою порцию на кухню, не сделав и нескольких глотков.

Зазвонил мобильный телефон Ся Сицина, и это снова был незнакомый номер. После того, как он соединился, он спросил:

— Чжао Кэ?

— Да, это Чжао Кэ, почему бы тебе не ответить на моё сообщение, Цзихэн всё ещё с тобой сейчас?

Ся Сицин доел последний кусочек лапши.

— Если быть точным, я с ним.

— Хорошо, сейчас с ним всё в порядке? Есть ли какие-нибудь травмы?

— Ты так заботишься о нём, почему бы тебе самому ему не позвонить? – Ся Сицин нетерпеливо откинулся на спинку стула, его голос был хриплым.

Сторона Чжао Кэ сначала забеспокоилась:

— Если я смогу связаться с ним, зачем мне находить тебя? Чёрт, я был в шоке. Я был в классе. Группа взорвалась. Он сказал, что сам побежал к Вэй Мину и избил его. Он отправился напрямик в больницу. Если бы не Чжоу Цзихэн и его брат, они бы разобрались с этим делом и помогли ему уладить сплетни. Конечно, Чжоу Цзихэн, блядь, искал сегодня в Weibo?

— Что...

— Он единственный? – Медленно спросил Ся Сицин.

— Да, он даже не позвонил мне, я узнал последним. Чёрт, я так зол. – Чжао Кэ выругался несколькими словами и почувствовал себя неловко из-за Чжоу Цзихэна.

— В последнее время я стал более чувствительным. Он, должно быть, боялся причинить вред нашей семье, поэтому не искал меня. Он поехал туда один. Водитель и охранники были сбиты им с ног, поэтому он указал на Вэй Миня и забил его до смерти. Я слышал от друзей, которые жили в городском доме с Вэй Мином, что Чжоу Цзихэн был сумасшедшим, его глаза были красными, и он не останавливался, как бы Вэй Мин ни молил о пощаде. Он боялся за чью-то жизнь и побежал, чтобы остановить его.

Ся Сицин был ошеломлён за обеденным столом, не в силах вымолвить ни слова.

— Он тоже должен был рассказать тебе об этих вещах. Я восхищаюсь этим парнем. Он был ранен, когда отвозил человека в больницу, поэтому отвернулся и вернулся, чтобы приготовить для тебя. – Чжао Кэ вздохнул. — Это дело сошло с ума в кругу. Его отец так зол. Чжоу Цзихэн никогда не создавал проблем с тех пор, как был ребёнком, не говоря уже о драке. Он никогда никого не ругал. Теперь, когда он такой сумасшедший, его отец действительно хочет, чтобы он ушёл. Он не может извиниться перед людьми, он не может умереть, он не признает своих ошибок... Вы не знаете, насколько строг его наставник...

— И как он теперь с этим справляется...

— Я только что позвонил его брату и сказал, что его отец собирается забрать его. Его заперли у него дома на несколько дней, забрали его мобильный телефон, и ему не разрешали выходить на улицу, пока он не войдёт в группу. Однако он сказал своему брату, что вернётся, чтобы забрать очень важную вещь, и отправится домой, чтобы самому получить наказание. Я не хотел смотреть на него, пока он всё ещё был в заключении, и я не знал, серьёзно ли он ранен...

Прежде чем выслушать последние слова Чжао Кэ, Ся Сицин повесил трубку и набрал номер мобильного телефона Чжоу Цзихэна. Конечно же, он был выключен.

Он встал из-за обеденного стола и спокойно направился на кухню. Чжоу Цзихэн встал на разделочный стол и наливал мёд в стеклянную банку, наполненную ломтиками лимона. Услышав шаги Ся Сицина, он закрыл стеклянную банку и слегка повернул голову, чтобы объяснить ему:

— У тебя слишком глухой голос. Тебе нужно повышать его на несколько дней. Пить это полезно для твоего горла. Ты должен поставить это в холодильник, иначе оно сломается. — Он всегда спокоен. — В противном случае, давай сделаем это, я помогу тебе отнести все эти вещи к тебе домой, боюсь, в конце я так много сказал тебе...

— Чжоу Цзихэн, ты можешь это сделать? — Голос Ся Сицин был хриплым, с едва заметной дрожью.

— Да[]- Чжоу Цзихэн не понял, что он имел в виду. — О, ты говоришь об этом? Это тривиальные вопросы, не так уж много. — Сказав это, он опустил голову и глубоко вздохнул, как ребёнок, который сделал что-то не так. — Мне жаль.

— Ты...

— Я сожалею об этом. Я также получил приглашение в тот художественный вечер в тот день. Я должен был пойти, чтобы ничего не случилось позже. Но за что я действительно хочу извиниться, так это за то, что я сделал с тобой позже. Хотя ты сказал, что не должен нести ответственность, я знаю, что ты очень сильный человек. Независимо от того, кто сделал это с тобой, тебе, должно быть, трудно принять это. Я не знаю, как загладить свою вину. Подожди, пока ты не войдёшь в группу. После этого ты можешь...

— Чжоу Цзихэн. — Ся Сицин подошёл к нему, схватил его за правую руку, снял чёрную накладку на запястье, завернутую в марлю, пропитанную кровью. — Прежде чем ты извинишься, не мог бы ты объяснить мне эти травмы?

Эти травмы на самом деле были нанесены осколками, когда он разбил ветровое стекло бейсбольной битой. У него не было времени разобраться с этим, и он снова порвал его во время драки.

Он приглушил свой голос:

— На самом деле это не очень серьёзно. Это выглядит пугающе. Через два дня всё будет хорошо. — Он позволил Ся Сицину держать его за руку, и в глубине души всё ещё был немного счастлив, по крайней мере, Ся Сицин заботился о нём.

— Прости, — его тон был таким искренним, — Я был зол на тебя и я много чего наговорил. На самом деле я так не думал... это не... В любом случае, я думаю об этом сейчас и чувствую, что я особенно никчёмный.

Ся Сицин подсознательно нахмурился, вспоминая, что он сказал ему в оцепенении.

[У тебя есть только я, у тебя есть только я.]

— То есть ты хочешь сказать, что то, что ты сказал в то время, на самом деле было не тем, что на самом деле думал?

Глаза Чжоу Цзихэна слегка расширились, и он открыл рот.

— Я...

Как он мог сказать, что действительно так думал в то время, он действительно хотел убить всех, кто думал о нём иначе, и даже хотел убить, чтобы найти других людей?

— Я...

Внезапно раздался странный звонок мобильного телефона, прервав то, что Чжоу Цзихэн чуть не сказал, Ся Сицин глубоко вздохнул:

— Возьми трубку.

Чжоу Цзихэн достал мобильный телефон из кармана брюк, и Ся Сицин с первого взгляда понял, что это не тот, которым он обычно пользовался. Звонивший на нём высветился кто-то с тремя иероглифами «Чжоу Цзыцзин».

Голос собеседника был холодным и низким:

— Подземный гараж, две минуты, спустись вниз.

Чжоу Цзихэн промычал что-то и повесил трубку.

Выражение его лица было очень печальным. Он хотел объяснить Ся Сицину, что произошло за последние несколько дней, но он не мог этого объяснить. Он хотел сказать, что побежал обратно как сумасшедший, но боялся, что Ся Сицин уже ушёл. Несмотря на это, он думал о том, чтобы купить ему лекарства и приготовить еду, даже если знал, что шансы были высоки. Ся Сицин уже сбежал.

Но в конце концов он всё равно догнал и помчался обратно до того, как Ся Сицин ушёл.

Слишком много слов застряло у него в горле, и он не знал, с чего начать. Тело Ся Сицин было гораздо важнее, чем упоминание о нём и Вэй Мине.

— Я собираюсь на работу. — Чжоу Цзихэн сжал кулаки в своей опущенной руке, его тон был низким. — Ты должен позаботиться о себе. И... — Он на мгновение заколебался, — Я могу обнять...

Остальная часть просьбы была скреплена Ся Сицином интимным поцелуем, сладость которого смешивалась с привкусом крови, его рука крепко обнимала Чжоу Цзихэна.

Сзади, закончи этот бесконечный поцелуй.

Ся Сицин сунул руку в карман брюк своего костюма, его лоб прижался к его лбу, и кончик его носа нежно потёрся о кончик носа Чжоу Цзихэна:

— Когда время уходит...

Из этих прекрасных зрачков Чжоу Цзихэн видел только себя.

— Прекрати нести чушь и поцелуй меня.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284204>